

INSPIRIA

18+

ПОМЕСТЬЕ БЛЭКТОРН



ДЖ. Т. ГАЙСИНГЕР



INSPIRIA

Inspiria Ромэнтэзи

Дж. Т. Гайсингер
Поместье Блэкторн

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Гайсингер Д.

Поместье Блэкторн / Д. Гайсингер — «Эксмо», 2025 — (Inspiria Ромэнтэзи)

ISBN 978-5-04-254576-4

Первую любовь забыть невозможно. Особенно если это твой самый страшный кошмар. Готический любовный роман от автора серии «Королевы и монстры» заставит пройти по грани между жутким сном и безумной реальностью. Двенадцать лет назад, после смерти своей матери, Мэйвен Блэкторн сбежала из маленького мрачного города. Но теперь, вернувшись на похороны своей бабушки, Мэйвен снова ступает на терновую землю только для того, чтобы оказаться втянутой в новый кошмар: тело ее бабушки исчезло. Блэкторны сразу же заподозрили Крофтов — безжалостных титанов фармацевтической компании «Крофт Фармасыютикалз», чья кровная вражда с Блэкторнами длится уже несколько поколений. Но когда Мэйвен сталкивается лицом к лицу с Ронаном Крофтом, сыном предполагаемого убийцы ее матери и единственным мужчиной, которого она когда-либо любила, она обнаруживает, что запретная страсть, которую они когда-то разделяли, жива — и опасна — как никогда. В городе, где мертвых не хотят хоронить, любовь — это спасение... или самая смертоносная игра из всех? Будь зло местом, это было бы поместье Блэкторн. Посреди дремучих черных лесов, под свинцовым небом, в котором кружатся стаи воронов, стоит угрюмый старинный дом, где я родилась и выросла. Впрочем, называть его домом — это как называть ад теплыми краями. Правда гораздо более чудовищна. В этом доме я обрела любовь. И чуть не погибла.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-254576-4

© Гайсингер Д., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Предупреждение	7
Пролог	8
Часть первая. Дом, милый дом	9
I. Мэйвен	9
II. Мэйвен	13
III. Мэйвен	18
IV. Мэйвен	23
V. Мэйвен	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31



Дж. Т. Гайсингер Поместье Блэкторн

J. T. Geissinger

Blackthorn

Copyright с 2025 by J. T. Geissinger, Inc.

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Джею, хранителю моих самых страшных секретов

Предупреждение

«Поместье Блэкторн» – это готический роман, содержащий мрачные сюжеты и потенциально неприятный контент, включающий, помимо прочего, подробные описания секса, секс без согласия или с неоднозначным согласием, нецензурные выражения, сцены с возможным нанесением вреда ребенку, человеческие жертвы, пугающие образы, оккультизм, религиозную тематику, насилие, убийства, кошмары, инцест, кровь, смерть, пытки и истязания.

Пролог

Будь зло местом, это было бы поместье Блэкторн.

Посреди дремучих черных лесов, под свинцовым небом, кишачим стаями кружащих воронов, стоит угрюмый, старинный дом, где я родилась и выросла. Впрочем, называть его домом – это как называть ад теплыми краями.

Правда гораздо более чудовищна.

Я полюбила в этом доме.

И чуть там не погибла.

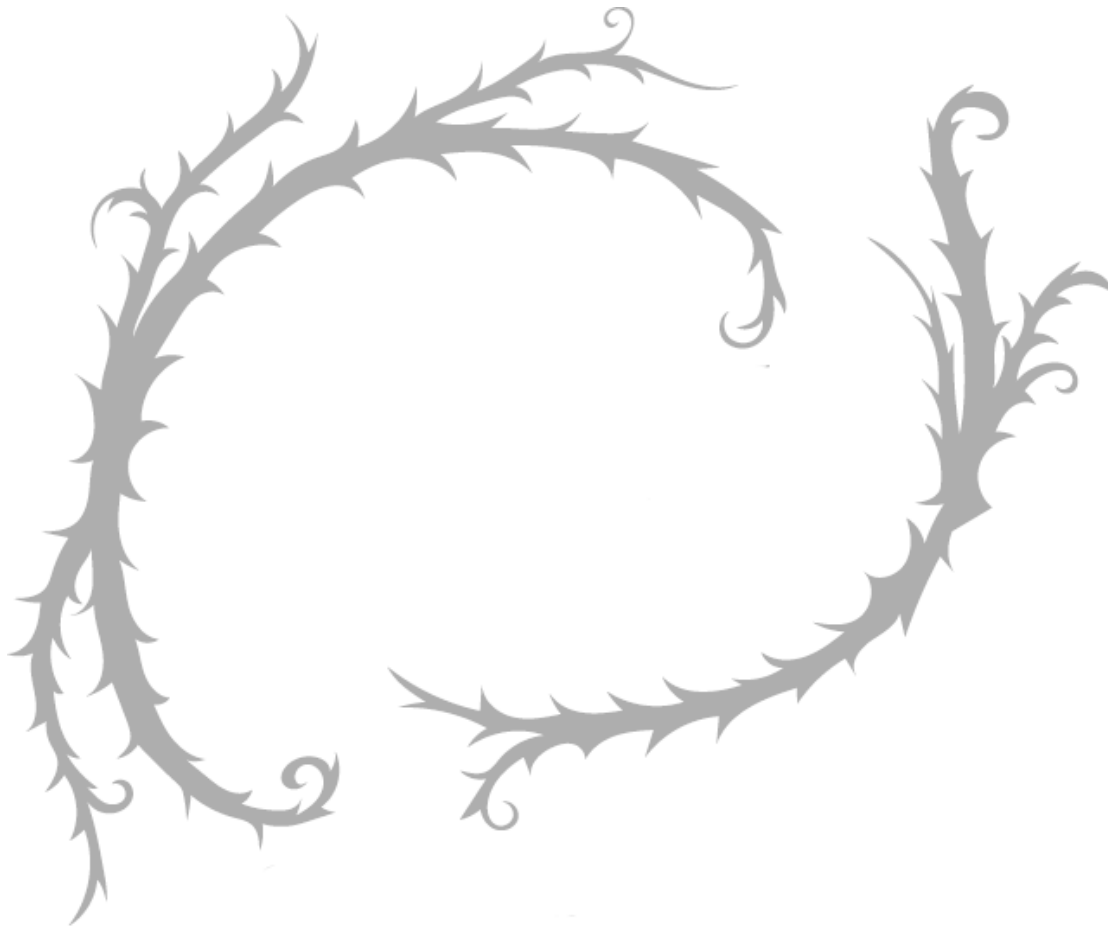
А теперь, растянувшись на носилках с кислородной маской на лице, я смотрю, как Блэкторн сгорает дотла, и от всполохов пожирающего его огромного пламени скрюченные стволы стоявших на страже деревьев окрашиваются красным, будто от брызг первородной крови.

И я понимаю, что спустя много лет освободилась от этого дома и странного влияния, которое он всегда на меня оказывал.

Не считая снов, где Блэкторн и его призраки найдут меня всегда, я наконец свободна.

Часть первая. Дом, милый дом

Ад пуст, все бесы здесь...
«Буря»



I. Мэйвен



Солстис в штате Вермонт – это живописный городок, расположившийся между заросшими густым лесом холмами Новой Англии. Как у любого маленького города в этой части

света, у Солстиса имеется своя мифология и свои легенды. Привидения, проклятия, нераскрытые тайны, необъяснимые природные явления – всего этого тут в достатке, как и кленовых деревьев.

И именно сюда я возвращаюсь двенадцать лет спустя, после побега, который совершила, когда умерла моя мать.

Или была убита. Смотря у кого спрашивать.

Моя дочь Беатрикс стоит рядом со мной на пустынной железнодорожной платформе и боязливо рассматривает старомодные бронзовые фонарные столбы, деревянные скамейки и маленькую станцию с островерхой крышей и башней с часами, выкрашенную облупившейся белой краской.

Сейчас половина пятого – серый октябрьский вечер. В морозном воздухе стоит опьяняющий аромат угольного дыма. Тишину нарушает только шум удаляющегося поезда, пылящего на изгибах путей. Но вот состав проглатывает окутанный туманом лес, и мы с дочерью остаемся одни.

Ощущение, что мы перенеслись назад в прошлое, практически осязаемо. Как и наэлектризованная, искрящаяся паника моей дочери.

Она никогда не выезжала за пределы города. Теперь я испытываю по этому поводу мимолетный укол сожаления, но у меня были веские основания держать ее в окружении небоскребов и бетона.

Женщины в моей семье дичают, если слишком долго остаются на природе.

– В этом городе есть водопровод?

– Конечно.

– А как насчет электричества? Машин?

Я беру ее за руку и ободряюще сжимаю.

– Я понимаю, что это не Манхэттен, милая. Но дай ему шанс.

– Это место похоже на жуткий старый город из ужастиков. В этих лесах наверняка полно беглых заключенных. Нас могут порубить на кусочки в любую секунду.

– Он не жуткий, он очаровательный. Ты опять смотрела криминальные документалки? Мы же обсуждали. Это вредно для твоего психического здоровья.

Дрожа, она прижимается ко мне и шепчет:

– Если меня покрошат в труху, это тоже будет вредно для моего психического здоровья.

Сухие листья устилают нам путь, пока мы проходим через платформу к станции. Там тоже зловеще пустынно. С другой стороны, после смерти матери все в этом городе стало казаться мне зловещим, так что я стараюсь не придавать этому особого значения.

На маленькой стоянке перед станцией нас ждет заведенный старый черный «Кадиллак». Призрачные белые облачка дыма вырываются через выхлопную трубу в колючий осенний воздух. Когда со стороны водителя из машины вылезает человек, медленно расправляя свои длинные конечности, как паук, выползающий из-за паутины, Беа шумно втягивает воздух.

Я вновь успокаивающе сжимаю ей руку:

– Это Квентин, наш смотритель. Помнишь, я о нем тебе рассказывала? Бояться совершенно нечего.

– Ты не говорила, что он похож на зомби.

– Он не зомби.

Она шепчет:

– Мам, он буквально выглядит так, будто только что восстал из мертвых. Я никогда не видела людей с таким цветом кожи. Он как будто из глины слеплен.

– Мы не критикуем людей за внешность. Будь к нему добрее.

Я поднимаю руку, чтобы поприветствовать Квентина. Он, шаркая, обходит машину, чтобы взять наш багаж.

Глядя на него, я понимаю тревогу Беа.

Кью высокий, сутулый и худой, как рельса, а его ониковые глаза глядят из-под тяжелых бровей с пронизывающей пристальностью. Он может так пялиться, не мигая, ненормально долгое время. Его бледная и сухая, как пергамент, кожа резко контрастирует с грубостью старомодного черного шерстяного плаща, а тонкие волосы колышутся вокруг черепа, словно эфемерная дымка. Ботинки, кажется, не различаются на левый и правый, как будто он сделал их сам. А по манере двигаться можно предположить, что у него уже началось трупное окоченение.

Я, наверное, уже в миллионный раз задумываюсь, сколько ему лет, но Кью выглядит в точности так же, как и в моем самом раннем детском воспоминании: я вручила ему на день рождения подарок в виде зеленого скарабея, которого вырыла из-под куста барбариса в саду, и Кью с серьезным видом заглянул мне в глаза.

Он любит ползучих земляных тварей так же, как я.

Закончив загружать наши несколько сумок в багажник, Кью открывает заднюю дверцу салона. Прежде чем я забираюсь в машину, наши взгляды на секунду встречаются, и, хотя Кью, как всегда, неразговорчив, мне не нужны слова, чтобы расшифровать немое предостережение:

Будь осторожна. Они уже знают, что ты здесь.

Ну конечно, они знают. Богатые и могущественные Крофты знают обо всем, что происходит в их городе, и так было на протяжении трех с лишним сотен лет.

К дому мы едем в тишине. Беа, не переставая, кидает на меня нервные взгляды, так что я сохраняю невозмутимый вид и держу голову прямо с напускной уверенностью, которой вовсе не чувствую. С каждой преодоленной милей тиски на моих легких смыкаются все крепче, и мне так тяжело дышать, что кружится голова.

А потом мы въезжаем в ржавые ворота усадьбы Блэкторн, и у меня окончательно перехватывает дух.

Мое родовое поместье возвышается в конце длинной, грязной, изрытой колеями подъездной дорожки, заросшей сорняком. Будучи такой же частью леса, как вековые густые рощи и могучие деревья, окружающие его, угрюмое каменное строение увито плющом и утопает в спутанных кустарниках и буйных зарослях папоротника.

Это не единый монолит, а несколько помещений, надстроенных друг над другом в разные сотни лет; это окостеневшее лоскутное одеяло из стилей, которые придают всей постройке хаотичный, неудобный облик. Частично – средневековая крепость, частично – готический особняк, частично – грубо обтесанная руина, он сопротивляется любым определениям, как и многие поколения его обитателей.

Это архитектурное чудовище Франкенштейна просто испускает ощущение беды, как будто хранит секреты, которые лучше не тревожить.

Единственное современное дополнение – это оранжерея в дальнем конце участка, где содержатся разные виды особо капризных трав и растений, которые не могут пережить суровую зиму Новой Англии, а еще крытый гараж для автомобиля.

А дальше расстилается темный и угрожающий девственный лес, дремучая чаща, куда местные детишки никогда не отваживаются отправиться, испугавшись рассказов родителей про странных существ, которые бродят по его извилистым тропкам.

Заметив дом, Беа выпрямляется на сиденье:

– Это здесь ты выросла?

– Да.

Повисает пауза, и она тихо произносит:

– Похоже, будто там есть привидения.

Мы с Кью обмениваемся мрачными взглядами в зеркале заднего вида. А потом я снова смотрю на дом и подавляю невольную дрожь.

Дом, милый дом.

Где все голодные гоблины моего прошлого затаились в ожидании моего возвращения.

Я запускаю руку в карман пальто, провожу пальцами по гладким бокам спрятанного там пистолета и напоминаю себе дышать.

II. Мэйвен



Как только мы с Беа заходим в двери дома, нас обволакивают запахи моего детства. Старые книги и плавящийся свечной воск, стойкий аромат высушенных трав и еще нотка чего-то сладкого, но при этом гниющего, как перезрелые фрукты. Воздух спертый и тяжелый, потому что окна никогда не открываются, но в то же время живой, будто заряженный невидимой энергией.

А потом из-за угла появляются мои тетки, и каждый волосок у меня на руках встает дыбом, будто от статического электричества.

Эзме и Давина стоят бок о бок, взявшись под руки, и мило нам улыбаются, как пара херувимов.

На этом любое сходство с ангельскими существами заканчивается. Хотя они могут выглядеть безобидными, эти женщины свирепы и хитры, как львицы.

Как и у всех женщин в моей родословной, которые жили и умерли в этом городе, у них просто нет другого выбора.

– Добро пожаловать домой, Мэйвен, – говорит Эзме, сверкая зелеными глазами.

– Спасибо. Я так рада вас видеть.

Скрипит половица, стонут дверные петли, а потом дом погружается в глубокую, противоестественную тишину. Я беру Беа за руку и притягиваю поближе к себе.

– Тетя Эзме, это моя дочь, Беатрикс. Беа, это твоя двоюродная бабушка.

– Я та, что умнее. – Эзме улыбается, показав ямочки на щеках.

Давина возражает:

– Ты не умнее золотой рыбки. Все знают, что мозг тут – я.

– А это твоя двоюродная бабушка Давина. И, к слову, они обе гениальны.

Беа переводит взгляд с одной на вторую, пораженно разинув рот.

Я пытаюсь взглянуть на них объективно, глазами незнакомого человека.

Высокие, с прямыми спинами и квадратными плечами, сестры одеты в одинаковые простые длинные черные платья. Они не пользуются косметикой, но их кожа сияет здоровьем. Также на них нет никаких украшений, не считая двух идентичных колец с переливчатыми лунными камнями на левых безымянных пальцах.

Несмотря на скромный вид, они великолепны. Но что делает их действительно необыкновенными – так это волосы.

Локоны сочного красно-рыжего цвета свежего граната дикими кудрями ниспадают до самой талии. Они носят волосы распущенными, и эта тяжелая масса свободно движется при

каждом повороте головы – необузданный ворох красок, в котором с нашей последней встречи появились серебряные ниточки седины.

У моей мамы были такие волосы. И у моей дочери такие же. И у меня. Только я уже много лет крашу их в черный и заплетаю в тугую косу. Я распускаю их только два раза в неделю, чтобы помыть шампунем с кондиционером, и убираю обратно в косу сразу же, как только они высыхают.

Однажды я чуть их не отрезала, но не смогла. Стояла перед зеркалом в ванной с ножницами в руках и, глядя на себя, слышала в голове голос матери:

«Никогда не стыдись того, что отличает тебя от других. Именно в этом заключена твоя истинная сила».

К тому времени я уже так устала отличаться, что хотела быть кем угодно, кроме себя. Я хотела быть никем.

Я хотела исчезнуть.

– Поздоровайся со своими двоюродными бабушками, Беа.

– Привет. Очень рада с вами обеими познакомиться. Спасибо, что приняли нас.

Довольная ее манерами Эзме улыбается:

– Не за что. Наверное, ты проголодалась с дороги? Пойдем на кухню, милая, и я сооружу тебе что-нибудь перекусить.

Она берет Беа за руку, многозначительно на меня смотрит и уводит мою дочь на кухню.

Как только они оказываются вне пределов слышимости, Давина поворачивается ко мне и хватает мои холодные руки.

– Как ты?

– Нормально.

– Это понятно. Но как ты *на самом деле*?

Я выдыхаю и на секунду закрываю глаза.

– Устала. Я и забыла, как ненавижу долгие поездки.

Она понимающе хмыкает:

– Все эти люди.

– Да. Как вы с тетей Эй?

Она молча останавливает на мне взгляд, а потом пожимает одним плечом:

– Так же, как и всегда. Выживаем.

Я всматриваюсь в ее гладкое лицо, сокрушаясь, что даже отчасти не унаследовала этот неиссякаемый коллаген. У моих мешков под глазами уже появились собственные мешки. Мне еще и тридцати нет, но по тому, как я выгляжу, этого не скажешь.

Постоянный стресс берет свое.

– Что ты рассказала Беа?

– Ничего.

– Ты уверена, что это разумно?

– Правда иногда может причинить больше вреда, чем ложь.

– Говорят ученые.

– В данном случае это факт. Мы здесь всего на несколько дней. Лучше я не буду преждевременно лишать ее детства. Где мы будем жить?

– Ты – в старой комнате матери, Беа – в твоей.

Я киваю:

– Спасибо. Она будет рада иметь собственный угол.

Давина еще раз сжимает мне руки:

– Пойдем, поешь чего-нибудь.

– Я не голодна.

– Но ты поешь. Тебе нужно закинуть что-нибудь в желудок. Ты слишком тощая и бледная, как будто оправляешься после обострения хронического заболевания. – Поджав губы, она изучает мое лицо. – Может быть, туберкулеза. Или чего-нибудь, что переносят москиты.

Еще и пяти минут не прошло, а веселье уже началось. Неудивительно, что уровень депрессии подскакивает в праздники. Именно в это время люди больше всего общаются с родственниками.

Она уходит, а в это время Кью поднимается по главной лестнице с нашими чемоданами, ступая тихо, как кошка. Я, в свою очередь, оглядываюсь вокруг.

Дом не изменился со времен моего детства. Монументальный незажженный камин из черного гранита доминирует в интерьере гостиной. Восковые свечи поблескивают в нишах стен с потрескавшейся штукатуркой. Полочка над очагом украшена лохматыми ветками свежей хвои, а высокий потолок исполосован темными деревянными балками, с которых свисают кованые люстры, опутанные обрывками паутины.

Но примечательнее всего – книги. Они тут повсюду.

Фолианты рядами стоят в огромных книжных шкафах от пола до потолка, стопками лежат на кофейном столике и на полках, и даже на полу, рядом с диванами и креслами. Книги занимают в этом помещении господствующее положение. Старинные тома в кожаных переплетах соседствуют с современными изданиями в твердых обложках. Академические журналы и энциклопедии занимают целую стену. Я вижу иллюстрированные издания по энтомологии, которые так зачаровывали меня в детстве, рядом с книгами по истории, астрономии и истории искусств.

Остальной дом представляет собой лабиринт из комнат и коридоров, не подчиняющийся конвенциональным правилам архитектуры. Неподготовленный человек легко может тут запутаться и потеряться. Двери открываются в зияющую пустоту. Лестницы никуда не ведут. Серпантинные из коридоров замыкаются на самих себе, пока не заканчиваются тупиками.

Пока я, застыв, стою на одном месте, меня охватывает дурное предчувствие. Резко появляется ощущение, будто бы я смотрю с края высокого обрыва на бушующее темное море внизу, суровый ветер путает мне волосы и хлещет по телу, а злая сущность у меня за спиной готовится столкнуть меня, заставив кричать от ужаса до самой смерти.

Надеясь, что это нервы, а не предвестие беды, я встряхиваюсь и иду за Давиной на кухню.



Несколько часов спустя, когда тарелки после ужина уже вымыты, а Беа спит в моей старой комнате наверху, мы с Эзме и Давиной сидим за кухонным столом и благополучно приканчиваем третью бутылку пино.

Женщин Блэкторн можно называть по-разному, но уж точно не трезвенницами.

– Беа развита не по годам, – замечает Давина, лениво водя пальцем по многочисленным отметинам на деревянном столе.

– Ты была такой же, – говорит Эзме, поглядывая на меня. – Но она ангел. А ты была маленьким дьяволенком. Сплошной яд и желчь, прямо как твоя мать.

Я посмеиваюсь в свой бокал, а потом допиваю последний глоток.

– Вы так говорите, как будто сами милые овечки.

Давина смотрит на меня из-под бровей:

– Прошу прощения, ваше королевское высочество, но мы самые кроткие овечки во всей Новой Англии. Мы *почти* не кусаемся!

– Скажи это отцу О’Брайену. Он до сих пор осеняет себя крестным знамением, когда видит вас?

– Пф. Старый дурак. Это единственный человек, который может читать Откровения Иоанна Богослова так, чтобы стало скучно.

– Если вы считаете службы скучными, то не ходите туда.

Она улыбается:

– Но как еще мы сможем эпатировать почтенных граждан Солстиса на еженедельной основе? Они рассчитывают на нас как на единственный повод для сплетен. Мы пренебрежем своими обязанностями городских парий, если перестанем посещать церковь.

– Может, если бы вы специально не провоцировали людей, они бы были добрее.

Давина молча глядит на меня несколько секунд, как будто оценивая:

– Мы Блэкторны. Мы провоцируем людей одним своим существованием. Мы другие и всегда такими будем, как бы ни старались прикидываться, что это не так.

Она выразительно смотрит на мои волосы.

Смутившись от такого прямого вызова, я ерзаю на стуле:

– Ничего я не прикидываюсь.

– Это омерзительное окрашивание указывает на обратное. И почему из всех цветов – этот гуталин? Ты как будто спор проиграла.

– Чтоб вы знали, мне красил волосы профессионал.

– Кто? Мортиша Аддамс?

Я посмеиваюсь, но потом вспоминаю мать, и мой смех приобретает мрачный оттенок. Я закрываю рот руками, чтобы не всхлипнуть.

– Ох, родная, я понимаю, – говорит Эме и тянется через стол, чтобы взять меня за руку. – Мы тоже по ней скучаем. Здесь все стало совсем по-другому с тех пор, как Элспет умерла.

Это одна из множества причин, почему я опасалась возвращаться сюда на похороны бабушки. Даже без учета гоблинов-воспоминаний, больно находиться рядом с людьми, которые могут так легко меня читать. Со своего отъезда я тщательно выстроила свою жизнь так, чтобы этого избегать.

Как и все Блэкторны, я храню слишком много секретов для по-настоящему доверительных отношений.

Коснувшись прикрытых век, вздыхаю. А потом стряхиваю влагу, осевшую на ресницах, и меняю тему:

– Пока мы ехали сюда на поезде, Беа спросила, почему вы трое жили здесь вместе с бабушкой и не выходили замуж.

Эме заинтересованно на меня смотрит:

– И что ты ответила?

– Что мужчины никогда не имели особого значения для женщин в этой семье.

Легкая улыбка Давины выглядит удовлетворенной.

– Они имеют большое значение, когда делают то, для чего предназначены.

– Если ты собираешься говорить о своей сексуальной жизни, то я спать.

– Прошу прощения? Взрослым женщинам нельзя наслаждаться сексом?

– Конечно же, можно. Но в последний раз, когда мы разговаривали по телефону, ты пустилась в детальные описания соблазнения симпатичного молодого доктора, недавно переехавшего в город. Я все еще пытаюсь очистить свой мозг от этих образов. Если мне здесь понадобится медицинская помощь, я не смогу смотреть этому мужчине в глаза.

Давина играет прядью волос:

– Мужчины чуть за двадцать реально на пике сексуальных возможностей. Такая выносливость!

– Господи Боже, о чем я только что говорила?

– Ты завидуешь, дорогая?

Я сухо смеюсь:

– Ужасно.

– А что насчет отца Беа? Ты нам никогда о нем не рассказывала. Он еще существует на белом свете?

Поскольку эта тема для меня словно темная яма, наполненная шипящими гадюками, я говорю очень медленно, осторожно выбирая слова:

– Нет. У нас оказались разные взгляды на то, что значит родительство.

Сестры молча буравят меня зелеными глазами. Когда Давина открывает рот, чтобы что-то сказать, ледяной порыв ветра трещит оконными ставнями. Свечи, выстроившиеся на подоконнике над раковиной, трепещут, а потом гаснут. Букетики сухой лаванды и душистых трав, свисающие со стропил, начинают раскачиваться.

Подняв глаза на скрипнувший потолок, Эзме тихо говорит:

– Здесь кто-то есть.

Давина мрачно добавляет:

– Или *что-то*.

Поднявшись из-за стола, сестры выглядывают в кухонное окно и смотрят в темноту ночи, но шестое чувство подсказывает мне направиться в сторону гостиной. Я встаю, быстро добегаю до лестницы, перепрыгиваю через две ступеньки и оказываюсь наверху. Тут есть маленькое окно, которое выходит во двор.

Сначала я ничего не вижу. Вокруг темно и тихо. Но потом луч луны пронзает пелену из облаков и освещает железные ворота в конце подъездной дорожки.

За ними стоит высокая фигура в черном и смотрит на дом. Хотя лицо размыто из-за темноты и расстояния, мне не нужно различать черты, чтобы понять, кто это.

Ронана Крофта я узнаю везде, при любом освещении, даже в чернильной темноте дна океана.

Первую любовь забыть невозможно.

Особенно если это твой самый страшный кошмар.

Ронан остается неподвижен, пока облака вновь не закрывают луну. Тогда его поглощает тьма, из которой он был рожден, и фигура исчезает.

III. Мэйвен



Этой ночью я не сплю. Я лежу в постели своей матери, в кровати с четырьмя деревянными столбиками, увенчанными скалящимися горгульями, смотрю на крадущиеся по потолку тени, а мой мозг исследует кладбище воспоминаний, переворачивая мшистые могильные плиты и обнаруживая под ними темную почву и копошащихся насекомых.

Ронан.

Его глаза, его запах, его губы на моей коже... Я любила его с отчаянием, похожим на сумасшествие.

Нет существа более безумного, чем девочка-подросток, угодившая в ловушку первой любви.

Когда серые лучи рассвета касаются костлявыми пальцами краешков занавесок, я вытаскиваю себя из постели, плещу холодной водой в лицо и одеваюсь. Потом проверяю Беа, заглянув в комнату дальше по коридору, которую раньше занимала я.

Моя девочка все еще спит, раскинув руки в стороны, будто во сне пытается полететь.

Дом уже успел наложить на нее свои чары.

Я мягко целую ее в лоб, убираю волосы с лица и несколько секунд стою и смотрю на нее. Хотя она уже на грани отрочества, она выглядит совсем юной для своего возраста, так что люди часто принимают ее за маленькую. Ведет она себя тоже как маленькая, хотя день на день не приходится. Иногда она все еще моя малышка, но пубертат уже на горизонте, так что долго это не продлится.

Ее настроение уже начинает скакать с той же скоростью, что и гормоны.

Меня тревожит, какие еще изменения повлечет за собой взросление. Мой собственный опыт можно описать не иначе как травмирующий.

Когда я захожу на кухню, мои тети уже там. Эме жестом приглашает меня сесть за стол и ставит передо мной дымящуюся чашку мутного зеленого чая, а Давина что-то напевает себе под нос, стоя над сковородкой у плиты.

– Как спала, дорогая?

– Отлично, – лгу я, избегая взгляда Эме. Я не сказала им, что вчера ночью видела Ронана у наших ворот. Это бы спровоцировало бунт. – А вы как?

– Боюсь, не очень хорошо. Дурные сны.

– Правда?

Она с бледным лицом кивает:

– Змеи. Огромные черные змеи, ползают вокруг дома, пытаются попасть внутрь. На что-то охотятся.

Давина глядит на меня через плечо. Вернувшись к готовке, она больше не напевает.

В кухонном окне я вижу на дворе Кью, который рубит дрова на колоде. Он кажется недостаточно сильным, даже чтобы книгу над головой удержать, не то что топор, но, как и у всего остального в усадьбе Блэкторн, его внешность обманчива. Он рассекает полено единственным мощным ударом, а потом бросает получившиеся куски в небольшую стопку за своей спиной.

До этого момента мне никогда не приходило в голову, что рубить дрова в потрепанной старинной шерстяной накидке может показаться странным. С другой стороны, в моей семье все странно, и всегда было.

Я нюхаю чай, который поставила передо мной Эме, и пытаюсь не морщиться, когда мне в нос бьет едкий запах. Резкий, травяной и подозрительно кислый.

– А у нас, случайно, нет кофе?

– Я сделала травяной сбор специально для тебя.

Ее строгий тон и сердитый взгляд указывают на недовольство моим вопросом, который она явно восприняла как неуважение к ее гостеприимному жесту. Так что я улыбаюсь и не развиваю тему.

– Доброе утро.

Я оборачиваюсь и вижу свою дочь, которая стоит в дверях в пижаме и сонно трет кулаком глаза.

– Доброе утро, милая, – говорю я, радуясь поводу отвлечься от чая.

Беа зевает. Она шаркает к столу, плюхается на стул рядом со мной и застенчиво улыбается Эме.

– Доброе утро.

– И тебе доброе утро, голубка.

Давина отворачивается от плиты и улыбается Беа.

– Будешь блинчики, дорогая?

Беа смотрит в сковородку на плите и моргает от удивления.

– Вы что, правда их сами сделали?

– Естественно, я их сделала. Откуда бы еще они взялись?

Беа глядит на блинчики голодными глазами:

– Мама никогда не готовит. Только замороженную пиццу или что-то такое. На завтрак у меня всегда хлопья.

Когда Давина неодобрительно на меня смотрит, я начинаю защищаться:

– У меня нет времени готовить! Я работаю, помогаю Беа с учебой – я слишком занята! К тому же у нас в радиусе мили от дома есть дюжина отличных ресторанов с доставкой.

Давина открывает шкафчик, достает тарелку и лопаткой накладывает на нее три блинчика. Ставит тарелку перед Беа и кладет рядом вилку.

Когда я смотрю на нее, сидящую на том же самом месте, где ела в детстве и я, меня снова охватывает странное предчувствие. Это как дежавю, только страшнее и зубастее.

Я напоминаю себе, что скоро мы спокойно уедем обратно в Нью-Йорк, подальше от этого дома с его секретами и этого города с его тайными темными тропами.

Давина жалеет меня и оставляет тему еды.

– Мы хотели бы поехать в похоронное бюро к десяти. Вы скоро будете готовы?

– К десяти? Разве прощание с бабушкой начинается не в одиннадцать?

Она молчит, но в этой паузе заключено большое значение.

– Нам нужно время, чтобы попрощаться с мамой, прежде чем начнется весь этот цирк.

Я бы спросила, зачем они организовали торжественное прощание, если их так заботит приватность, но уже знаю ответ. Может, они и изгои в этом городе, но они слишком горды, чтобы прятаться.

Кью заходит на кухню со стопкой дров в руках. Он кивком здоровается с Беа, но потом останавливает свой пронизывающий взгляд на мне.

Я слегка приподнимаю подбородок, давая ему понять, что волноваться не о чем. Я не буду выпускать Беа из виду. Может, Солстис и маленький город, но в нем вполне хватает места, чтобы потеряться.

Так, чтобы тебя никогда не нашли.



В четверть десятого мы собираемся в фойе: четыре молчаливые женщины в черном, ожидающие, когда Кью подгонит машину.

Классические кожаные туфельки Беа начищены до зеркального блеска. Ее непослушные волосы убраны в косу, как и у меня. Она выглядит даже меньше обычного – ее хрупкая фигурка придавлена черным шерстяным пальто до колен, обнаруженным в одном из многочисленных шкафов в доме.

Когда-то оно принадлежало мне, очень давно. А до этого – моей матери, и ее матери тоже. Этот дом так просто с вещами не расстается.

– У вас очень красивые платья, – говорит Беа.

– Спасибо, дорогая. – Давина смотрит на меня. – Что думаешь?

Я кидаю оценивающий взгляд на их длинные, строгие, расшитые бусинами черные платья и изощренные головные уборы.

– Если вы хотели сойти за скорбящих викторианских пасечниц, то вам удалось.

Она подносит руку в перчатке к широким полям шляпы с вуалью и улыбается.

– Я так и знала, что ты скажешь что-то остроумное и поднимешь нам настроение.

– Забыла тебе сказать, – говорит Эзме, поворачиваясь к Давине. – Ты слышала, на днях Элайджу Крофта атаковала стая воронов?

– Воронов? – задумчиво повторяет Давина. – Как странно.

– Да. Очень. Я слышала, они чуть не выклевали у старика глаза прямо из черепа.

– Обычно они не агрессивны по отношению к людям. Может, защищали гнездо.

Эзме смотрит на меня с непроницаемым выражением:

– Или они распознают зло, когда видят его.

Кью останавливается у порога. Мы с Беа идем к двери вслед за тетями, которые плывут, взявшись под руку, а их длинные волосы струятся по спинам, как свежая кровь.

Через восемь минут мы стоим в нещадно бежевом кабинете «Похоронного бюро Андерсона», слушая пожилого мужчину в плохо сидящем костюме, который бормочет соболезнования, ломает руки и дрожит, едва не падая в обморок к нашим ногам.

Женщины Блэкторн обладают экстраординарной способностью вселять в людей ужас.

– Сюда, сюда, – лопочет он, показывая на коридор. – Лоринда в нашем лучшем зале, конечно же.

Мы заходим в огромное помещение с отвратительными лохматыми алыми коврами и обоями с вульгарными красно-черными цветами, которые могут вызвать припадок, если смотреть на них слишком долго. Четыре окна задрапированы тяжелыми бордовыми гардинами, блокирующими каждый лучик света. Тугие кожаные кресла выстроились вдоль стен, и полдюжины рядов обитых тканью стульев стоят перед блестящим черным гробом, украшенным огромными букетами красных тигровых лилий, которые наполняют приторным ароматом спертый, неподвижный воздух.

Давина в ужасе осматривается:

– Господи Боже. Сразу вспомнила, что нужно просить о кремации.

Мистер Андерсон ахает, пятится из комнаты и исчезает.

Эме уверенным шагом идет к окну и раздвигает бархатные гардины. Солнечный свет наполняет комнату. Она поворачивается к нам и фыркает:

– Лучший зал, как же! Кто обставлял это место? Дракула?

– Я бы предположила, что маркиз де Сад, – говорит Давина. – Я начинаю подозревать, что Андерсон дальтоник.

– Это помещение было бы омерзительно и в черно-белой гамме.

Давина вздыхает:

– Ну, по крайней мере, людям будет что пообсуждать.

– Помимо прочего, ты хочешь сказать. Надеюсь, завтра на похороны они не пришлют эти жуткие лилии. От этой вони у меня уже голова болит. – Эме отправляется к остальным окнам, бормоча что-то про человеческую глупость.

Полагаю, мистер Андерсон сегодня переживает один из худших дней в своей жизни.

Когда Беа сжимает мою руку, я опускаю на нее глаза:

– Все в порядке?

Она опасливо смотрит на открытый гроб и прижимается ко мне. Раньше она никогда не видела настоящего мертвеца. Я обнимаю ее за плечо и целую в макушку.

Давина протягивает руку и проводит пальцем в перчатке по щеке Беа.

– В смерти нет ничего страшного, моя милая девочка. Природа восстанавливает все, что создает. Мы не прекращаем существовать, когда умираем, а просто трансформируемся во что-то лучшее.

Беа смотрит на нее с сомнением:

– Мама говорит, что загробной жизни нет.

Давина улыбается:

– Твоя мама очень умная, но она не знает всего. А теперь пойдем, познакомишься со своей прабабушкой.

Она берет Беа за руку. Я иду с одной стороны, Давина – с другой, и мы подводим Беа к гробу. Когда мы встаем у самого края и смотрим на лежащее внутри тело, я не могу сдержать улыбку.

Даже после смерти Лоринда по-прежнему свирепа.

Она выглядит по-звериному – как существо, вышедшее напрямик из леса, с зажатой в зубах добычей. Ее длинные седые волосы распущены, сильные челюсти сжаты, а закрытые глаза как будто готовы в любой момент распахнуться и оглядеться в комнате с той животной зоркостью, которая обычно вводила людей в ступор.

Если *это* – загробная жизнь, то бабуля всем там надерет задницу.

Пару минут мы стоим в почтительном молчании, пока Беа не говорит:

– Что это?

Она показывает на что-то зажатое между локтем Лоринды и кремовой шелковой обивкой гроба. Я наклоняюсь и вытаскиваю предмет.

Это перо. Блестящее черное птичье перо, величиной с мое предплечье.

Давина с улыбкой качает головой:

– Ох, мама. Со своими птицами...

Беа с недоумением смотрит на меня, но отвлекается, когда Давина достает из кармана платья изящный ножик с перламутровой рукояткой.

– Вот. Положи это в гроб.

Беа смотрит на протянутый ей ножик как на самую потрясающую вещь, что она видела в жизни. Какой она, бесспорно, и является.

– Почему вы хотите оставить его внутри гроба?

– Потому что он понадобится ей там, куда она направляется.

Я смотрю в потолок и шумно вздыхаю. Почему членам этой семьи обязательно быть такими экстравагантно странными? Как будто им за это платят.

– Твоя мать может вздыхать, сколько хочет, милая, но, прежде чем мы сможем пройти через очищающее пламя Смерти и переродиться, мы должны побороть несколько гадких персонажей на нашем пути в подземном царстве.

– Господи Боже, тетя Ди! У нее теперь месяц будут кошмары!

Она отмахивается от моей родительской озабоченности легким движением запястья.

– Жизнь как бой на ножах. Почему загробная жизнь должна быть другой?

– Отлично. Спасибо. Уверена, она годами будет обсуждать это на сеансах психотерапии.

– Не говори глупостей. Блэкторнам не нужна терапия. Это другим из-за нас нужна терапия. Беа, положи нож в гроб вместе вот с этим. – Она извлекает из декольте пару серебряных монет.

– А это зачем?

– Чтобы заплатить паромщику, который перевозит души через реку Стикс.

Когда Беа смотрит на себя, я уже сожалею, что не подготовила ее к этому визиту получше. Надо было придумать достоверное объяснение, типа того, что мы состояли в цирковой труппе.

Я сухо проговариваю:

– «Визу» он не принимает. Просто положи все это в гроб, милая, а с твоей психологической травмой мы разберемся позже.

Она пожимает плечами.

– Ладно. Все нормально. – Она забирает нож и монеты из рук тетки и поворачивается к покойной прабабушке, возлежащей на подушках, словно королева.

Давина обнимает себя за талию и улыбается мне.

– Не делай такое кислое лицо. Могло быть хуже. Эзме едва отговорила меня от того, чтобы отправить вместе с ней на тот свет Квилла.

Квилл – это большой рогатый филин с желтыми глазами и размахом крыльев в пять футов, которого бабушка нашла, когда тот был птенцом. Он упал с дерева во дворе. Она вышла его, и они стали неразлучны.

Когда Квилл умер, бабушка увековечила его и поставила на видное место. Эта отвратительная штуковина годами собирала пыль на жердочке над камином в бабушкиной спальне.

Увидев мое выражение лица, Эзме говорит:

– Держи. – Она достает из рукава маленькую серебряную фляжку.

Я наблюдаю, как моя дочь аккуратно вкладывает деньги и оружие в холодные белые руки трупа. А потом я беру фляжку, откручиваю крышку и делаю большой глоток виски.

Если повезет, я смогу пропить все выходные.

IV. Мэйвен



Д

авина, Эзме, Беа и я сидим на стульях в первом ряду, в самом центре, когда начинают прибывать люди, чтобы отдать последние почести бабушке.

Хотя, скорее, поглазеть на нее с такого близкого расстояния, на которое они не отважились к ней подойти при жизни.

Первая пришедшая пара – Ингрид и Хельмут Шнайдеры, пожилая немецкая чета, которая держит местную пекарню. Хельмут снимает шляпу и почтительно кивает тетям. Ингрид делает едва заметный реверанс, и Давина наклоняет голову в знак приветствия. Они со скорбным видом подходят к гробу, держась за руки.

Эзме наклоняется ко мне и тихо бормочет:

– Вот бы все были как Шнайдеры.

– Это еще почему?

– Люди из Старого света еще сохраняют какое-то уважение к прежним обычаям. О, смотри, это же Бекка Кэмпбелл, та самая мелкая гадина, которая над тобой издевалась. Помнишь, как она плюнула на тебя при всех на зимнем карнавале?

Помню, но я слишком поражена, чтобы ответить. Вид моего заклятого врага – когда-то длинноногой блондинки, по которой все мальчишки сходили с ума, а теперь неопрятной, помятой хромоножки с глубокими шрамами от акне, уродующими лицо – порождает во мне глубочайшее чувство жалости.

Видя мое страдальческое выражение, Эзме цокает языком:

– Извини, что я так говорю, милая, но твое мягкосердечие однажды тебя загубит.

– Я не мягкосердечна. Я – спартанец. Я – боец. Я – Аттила.

Она хлопает меня по руке:

– Вот это присутствие духа.

Когда я снова оборачиваюсь к Бекке, она застывает в проходе и глядит на меня выпученными глазами, раздувая ноздри.

Я понимаю, что она собирается сделать что-то дикое, за две секунды до того, как это происходит.

– Ты! – взвизгивает она, а потом бросается на меня через проход, вытянув руки перед собой и изогнув пальцы, словно когти.

Я подскакиваю на ноги, готовясь защищаться. Но, не успев до меня добраться, Бекка спотыкается и ничком обрушивается на косматый ковер.

Когда она поднимает глаза, ее нос свернут набок, а рот и подбородок залиты кровью. Тетя Эй улыбается.

– Прошу, осторожнее, – протягивает она. – Мы бы не хотели, чтобы ты поранилась.

Хельмут Шнайдер уже дергается, чтобы помочь Бекке встать, но застывает, когда Эзме приговораёт его к месту тяжелым взглядом. Он моргает, сглатывает и поворачивается обратно к своей жене.

Бекка, уже скорее испуганная, чем разъяренная, с трудом поднимается на ноги и пятится от нас. Она налетает на Давину и резко разворачивается.

Давина глядит на нее испепеляющим взглядом. Она что-то ей говорит: слишком тихо, чтобы я могла расслышать. Что бы это ни было, у Бекки вся кровь отливает от лица. Со сдавленным криком она выбегает из комнаты.

Беа со своего места смотрит на двоюродных бабушек с откровенным восторгом.

В помещение заходят еще люди. Кого-то из них я узнаю, кого-то нет. У меня крутит живот, сердце колотится с жуткой скоростью, так что я подхожу к окну и смотрю на хмурое серое утро, пытаюсь успокоить дыхание.

Чертов городишко. Почему я считала, что что-то может измениться? Тут так же невыносимо, как и всегда.

Не знаю, сколько я стою на одном месте, но когда поворачиваюсь, Шнайдеров уже нет, а Беа с Давиной стоят рука в руке в паре метров от изголовья гроба, увлеченные беседой.

Я уже направляюсь к ним, но останавливаюсь как вкопанная, когда в дверь въезжает мужчина в инвалидной коляске. Хотя один его глаз залеплен пластырем, а волосы полностью побелели с тех пор, как я видела его последний раз, я узнаю его мгновенно.

Это Элайджа Крофт. Патриарх семьи Крофт и бывший глава «Крофт Фармасьютикалс» – теперь ею управляет старший сын.

Он отец Ронана.

Всеобщее внимание переключается на него. Комната затихает. Эзме, напрягшись всем телом, поднимается на ноги и смотрит на него с такой ненавистью, что я почти ощущаю ее со своего места.

Ненависть, с которой он глядит в ответ, полностью ей соответствует.

Неудивительно, с учетом того, что наши семьи не выносят друг друга много поколений, враждая с тех самых пор, как более трехсот лет назад Мегеру Блэкторн повесили за колдовство на городской площади.

Судил Мегеру выдающийся городской магистрат тех лет, Леви Крофт.

– Тебе здесь не рады, Элайджа, – ледяным и твердым, как камень, голосом говорит Эзме.

– Вы думали, я спущу вам это с рук? Думаете, я струшу, как все остальные? Ну, так вы ошибались.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. А теперь уходи.

Он нажимает кнопку на подлокотнике своего кресла. С механическим жужжанием оно проезжает на несколько метров вглубь комнаты. Он смотрит на гроб, потом на Давину, а потом его внимание вновь переключается на Эзме.

– Угмоните их.

Эзме отвечает с едким презрением:

– Я смотрю, у тебя на старости лет развилась деменция. Неудивительно, ведь ты и раньше умом не блистал.

– Я сказал, *угмоните их!*

Она взрывается:

– Я не понимаю, о чем ты говоришь!

– Птицы! Они на меня нападают!

Эзме с Давиной обмениваются едва заметными взглядами, а потом Эзме холодным тоном отвечает:

– Если тебя беспокоит дикая природа, то, может, стоит сменить одеколон.

Краем глаза я замечаю какое-то движение за окном. Большой черный ворон садится на ветку клена во дворе. Я продолжаю наблюдать, а в это время с неба спускается еще один и присаживается на соседнюю ветку.

Потом еще один. И еще.

Через секунду ветви уже кишат ими: они беспокойно хлопают крыльями, так что дерево выглядит живым.

По очереди слетаясь на клен, они подозрительно умными черными глазами глядят в окно.

Не в окно. *Через* окно.

На меня.

Откуда-то издалека ветер доносит зловещий вой сирен. Едва я улавливаю едкий серный дух, как в этот же самый момент вижу первые серенькие ниточки дыма, поднимающиеся из-за деревьев и расстилающиеся в холоде октябрьского утра.

Где-то в Солстисе начался пожар.



Элайджа удаляется в глубоком возмущении. Остаток прощания не так насыщен событиями, но не менее ужасен.

Я почти забыла, каково это – быть городской диковинкой, бонусным дополнением в цирке шапито, на которое все хотят поглазеть и подивиться, но только с безопасного расстояния. Как будто, по их мнению, оригинальность заразна, но они все равно не могут удержаться.

Единственный жирный плюс сегодняшнего дня – это что Беа смогла воочию наблюдать пример сохранения достоинства. Даже понимая, что они являются предметом тех самых насмешек, которых они опасались, Эзме и Давина держатся по-настоящему царственно. Плечи расправлены, спина прямая, подбородок приподнят – они смотрят всем в глаза без намека на стыд.

Наконец все заканчивается, и мы едем домой. Сидящая на пассажирском месте рядом с Кью Беа оборачивается и спрашивает меня:

– Мы из мафии?

Если бы все было так просто.

– Нет, детка, мы не из мафии.

Она с сомнением смотрит на Эзме, а потом на Давину:

– Точно?

– Не в том смысле, о котором ты говоришь, – отвечает Давина.

– *Ни в каком* смысле. Мы нормальная семья. – После недолгой паузы я поправляюсь: – Ладно, это неправда, но мы точно не мафиози.

– Мы гораздо интереснее! – заявляет Эзме.

– Почему та леди кричала на тебя? Я думала, она тебя побьет. Она была очень злая.

Эзме фыркает:

– Твоя мать бы ее поколотила.

– Она всегда была ужасно сильная, – подтверждает Давина. – Когда она была в твоём возрасте, дорогая, она сама срубила целое дерево. Она рассказывала тебе эту историю?

Беа выглядит заинтригованной:

– Ты срубила дерево? Что, прямо топором?

Я хочу сказать «нет», но у меня два свидетеля. Тогда я решаю использовать тактику отвлечения:

– Это было маленькое дерево.

Эзме похлопывает меня по руке:

– Она просто скромничает. Дерево было огромное.

Надо было догадаться, что не сработает.

– Оно было больное. Полое.

– А теперь ты просто сочиняешь. С тем кленом все было целиком и полностью нормально.

Давина кивает в знак согласия:

– Не считая его расположения.

Я резко втягиваю воздух и пытаюсь заблокировать воспоминание. Но чем сильнее я сопротивляюсь, тем мощнее прошлое насаждает на меня и в итоге встает перед моими закрытыми глазами, словно яркая картинка из кинофильма.

Злосчастное дерево стояло прямо за главными воротами дома. У него была широкая крона с мощными зигзагами ветвей, которые росли всего в нескольких футах от основания ствола, так что на него было очень просто залезть.

Его было отлично видно из окна моей спальни. Невозможно сосчитать, сколько раз я просыпалась с утра и видела, что его ветви шелестят белыми бумажками с разными злобными надписями.

«Горите, ведьмы!»

«Шлюхи Блэкторн!»

«Убирайтесь обратно в ад!»

Иногда оставляли целые чучела. Голых пластиковых кукол с вбитыми в грудь гвоздями в качестве украшения.

Кью залезал наверх и все снимал, но к тому времени я уже успевала насмотреться. Потом я шарила по мусорным контейнерам, дрожащими руками доставала эти бумажки и перечитывала их, пока по моим щекам тихо текли слезы.

Каждое гадкое слово было как свежий порез. И каждый раз, когда это происходило, рана становилась все глубже.

Мы так и не выяснили, кем были наши обидчики, но, даже если бы мы установили их личности, это бы ничего не поменяло. Никто не стал бы ничего делать.

И в итоге я – буквально – взяла ситуацию в свои руки.

– Это было неправильно, – говорю я глухим голосом. – Дерево не виновато, что люди бывают монстрами. Лучше бы этот клен по-прежнему рос.

Помолчав, Эзме произносит:

– Может, еще вырастет.

– Оставшемуся пеньку уж скоро двадцать лет!

– Некоторые предметы только кажутся мертвыми, – в голосе моей тетушки слышится загадочная улыбка. – Есть гораздо больше способов существования, чем ты себе представляешь.

– А что там говорил тот старик в инвалидном кресле про нападения птиц? Это было странно.

Я открываю глаза и вижу, что Беа глядит на меня, уткнувшись подбородком в сложенные руки и с любопытством сверкая своими зелеными глазами.

Сохранив непроницаемо каменное лицо, отвечаю:

– Бедный мистер Крофт. Он упал и ударился головой. И с тех пор его разум помутился.

Давина ухмыляется:

– Беа, развернись и пристегни ремень.

Она подчиняется без пререканий. Но, поправив ремень на талии, сразу выпрямляется в кресле и тыкает пальцем в лобовое стекло перед собой.

– Смотрите! Там пожар!

Я подаюсь вперед и гляжу на улицу. Мы замедляемся и еле движемся, потому что дорога перегорожена оранжевыми конусами, выстроившимися вдоль перекрестка. Патрульный полицейский показывает водителям сворачивать в переулок и пользоваться объездом. В паре сотен ярдов, напротив дома, стоят три пожарные машины.

Он охвачен огнем.

Клубы едкого черного дыма поднимаются из разбитых окон верхнего этажа. Оранжевые языки пламени лижут стены снаружи. Навес над порогом уже обвалился и лежит на газоне кучей дымящихся почерневших досок.

Когда мы сворачиваем, часть крыши проваливается внутрь, поднимая в небо огромный сноп пепла и пылающих искр.

Кью жмет на газ. Дом исчезает из виду. Остается только запах дыма, тяжело оседая в воздухе.

– Тетя Ди?

– Да, дорогая?

– Это был дом Бекки Кэмпбелл?

Зеленые глаза тетушки за черной сеточкой вуали жутковато горят. В противоположном от нас направлении с ревом проносится еще одна пожарная машина с мигающими огнями и воющей сиреной.

– Разве? – Она поворачивается и смотрит в окно, а ее губы изгибаются в едва заметной легкой улыбке.

V. Мэйвен



Этой ночью я снова не могу заснуть. Среди пугающей тишины царит ощущение, что дом наблюдает, ждет, отсчитывает время. Каждый раз, когда я поворачиваю голову, я краем глаза замечаю юркнувшую в темноту тень. Дважды мне кажется, что я слышу сдавленные всхлипывания, но, когда начинаю прислушиваться, звук тает в тишине.

Наконец, примерно около полуночи, выхожу из своей комнаты.

Проверив Беа, отправляюсь вниз. Не считая тлеющих в камине углей, в поместье темно и тихо. Гладкий, отполированный шагами многих поколений пол холодит мои ступни. На кухне я наливаю себе стакан воды из-под крана и пью, глядя в окно на темноту ночи. А потом бреду обратно в гостиную, чтобы порыться на книжных полках.

Включаю напольную лампу, вытаскиваю тоненький томик про лекарственные травы и изучаю страницу за страницей, пока меня не отвлекает стук, который разносится прямо над моей головой.

Нахмурившись, поднимаю глаза к потолку.

Закрыв книгу, склонив голову, внимательно прислушиваюсь к тишине: ничего. Но внезапное острое желание провести Беа заставляет меня бросить книгу на кофейный столик и быстро взлететь вверх по лестнице.

Я обнаруживаю ее там же, где оставила. Девочка крепко спит.

Облегченно провожу костяшками по ее щеке, щупая температуру – жара нет. Подтыкаю одеяло, целую дочь в лоб и на цыпочках выхожу в коридор, но стоит мне свернуть в свою комнату, как темноту пронзает вспышка света, заставив меня резко развернуться.

Свет исчезает так же быстро, как и появился, но я успеваю заметить, что он исходил из-под двери в бабушкину спальню.

У меня волосы встают дыбом. Пульс ускоряется на несколько пунктов.

Кто-то в бабушкиной комнате?

Не знаю почему, но от этой мысли мне становится не по себе. Однако именно из-за собственного замешательства я расправляю плечи и решительно шагаю дальше по коридору.

Захожу внутрь и жму на выключатель. Комнату заливают свет.

Спальня пуста, но незримое присутствие почти осязаемо – оно чувствуется в мебели, в стенах, в самом воздухе.

Лоринда Блэкторн оставила свой отпечаток на этом пространстве. Так же, как она оставляла отпечаток на всем, к чему прикасалась. Она была колоссальной личностью, а я даже не приехала как следует с ней проститься.

Мое сердце стискивает тупая боль.

С мамой перед смертью я тоже попрощаться не смогла.

Пройдя внутрь, я оглядываюсь. Кажется, все на своих местах. Кровать застелена, шторы опущены, в комнате прибрано. На грубой деревянной полке над незажженным камином прилежал Квилл, подозрительно шурящийся на меня своими пустыми желтыми глазами.

– Дай мне передохнуть, птица. У меня был тяжелый день.

Огибаю деревянный шкаф, пытаюсь отделаться от навязчивого чувства, будто мертвый взгляд филина следует за мной, и беру в руки изящную серебряную фоторамку, углы которой потускнели с годами. В нее вставлено огромное черно-белое фото: семь женщин разного возраста, стоящие перед оранжереей.

Бабушка Лоринда и две ее сестры, Тезе и Персе, стоят рядом с женщиной с седыми волосами, уложенными на голове гладкими тугими косами. Молодые женщины одеты в простые шерстяные платья с длинными рукавами с повязанными на талии фартуками. На прабабушке строгое черное платье с высоким воротником, а ее лицо холодное, как могильный камень.

Она умерла задолго до моего рождения, но ее репутация женщины, которой на все наплевать и которая до дрожи в коленках пугала городских обывателей, осталась в легендах.

За юбку Лоринды цепляются две маленькие девочки – Эзме и Давина. У нее на руках младенец, Элспет.

Моя мать.

Я хорошо помню это фото из-за фразы, которой мне однажды ответили на вопрос, где все мужья. Мама рассмеялась своим чудесным смехом, звонким и полным озорства: «Мужья? Женщины Блэкторн не настолько глупы, чтобы попасться в эту старую ловушку».

К тому моменту я уже знала, что мой собственный отец рассматривался исключительно как средство для достижения цели: это был не более чем одноразовый мужчина, которым моя мама воспользовалась, когда решила, что пришло время завести ребенка.

Тайну его личности мне так и не раскрыли. Я до сих пор не знаю, был ли это какой-то приезжий незнакомец или человек, которого я каждый день видела в церкви.

По этим принципам Блэкторны живут столько, сколько их помнят: мужчины – просто инструменты, любовь – просто сантименты.

Ставлю фотографию обратно на комод и подхожу к встроенному в стену шкафу. Когда я распахиваю двери и включаю свет, меня вновь встречает лишь глубокая тишина. Одежда бабушки аккуратно висит на вешалке. Примерно дюжина пар комфортной обуви выставлена в ряд снизу.

Внутри никто не прячется.

Я уже собираюсь уходить, когда мой палец задевает что-то на полу рядом с дверью. Это толстая черная книжица в кожаном переплете с металлическими застежками и тиснением в виде дуба на обложке. Видимо, она упала с верхней полки, где лежат еще несколько книг.

Значит, тот стук, который я слышала, – это упавшая с полки книга?

Я наклоняюсь и поднимаю книгу, удивившись ее легкости. Открыв обложку, понимаю, что это бабушкин дневник – узнаю ее характерный размашистый, похожий на паучьи лапки почерк.

Улыбаясь, перелистываю страницы, пропускаю датированные записи, изучаю маленькие рисунки и рецепты травяных сборов и tinktur. А потом слышу тихий звук холодного, металлического смеха, разносящегося по дому. Далекого, но ледящего душу. Безэмоционального.

Когда я поднимаю голову и внимательно прислушиваюсь, он резко обрывается. Комната снова погружается в тишину.

С нарастающим беспокойством поднимаюсь на цыпочках и ставлю дневник между двумя другими книгами на полке. Закрываю шкаф и хмурюсь, увидев, что дверь комнаты захлопнута – не помню, чтобы закрывала ее, но, видимо, сделала это.

Когда я хватаюсь за дверную ручку, она отказывается поворачиваться.

Я дергаю и кручу ее, но упрямая шутовина не поддается. Уперев руки в боки, я вздыхаю и оглядываюсь в комнате в поисках какого-нибудь предмета, которым можно взломать замок. Не увидев ничего подходящего, я раздражаюсь и пинаю дверь ногой.

Внезапно она с тихим щелчком отпирается и медленно открывается все шире со слабым, недовольным вздохом.

Мне становится еще больше не по себе, и несколько секунд я просто стою и пялюсь на ручку, а потом спешу к лестнице, чтобы найти для крепкого сна что-нибудь покрепче воды.

Но на площадке в конце коридора я останавливаюсь, выглядываю в окно и застываю.

За железными воротами в конце подъездной дорожки стоит мужчина и смотрит на дом. Он высокий, широкоплечий, весь в черном – одинокая фигура, которая вполне сошла бы за часть пейзажа, настолько он неподвижен.

Но вот он пошевелился.

В сложенных лодочкой руках зажигается маленький огонек и освещает лицо. Кончик сигареты горит оранжевым, когда он затягивается. А потом он запрокидывает голову и выпускает в воздух три идеальных колечка дыма.

У меня внутри все падает. Пульс несется с бешеной скоростью. Меня переполняют настолько сильные эмоции, что мне приходится стиснуть зубы.

Пригладив ночную рубашку на груди, я тихо сбегая вниз по лестнице на первый этаж. Хватаю вязаное покрывало со спинки дивана, накидываю его на плечи и, насколько возможно беззвучно, открываю и закрываю входную дверь.

Кровь шумит у меня в ушах, и я, босая, шагаю по подъездной дорожке.

Спокойно докуривая сигарету, мужчина ждет меня у ворот. Я подхожу все ближе, но он не сводит неподвижного пристального взгляда с моего лица.

Его глаза – цвета бледных арктических льдов. Их обрамляет бахрома темных ресниц. Его густые, чернильно-черные волосы ниспадают от вдовьего мыса до самых плеч. У него волевой подбородок, полные губы, а пылающий взгляд обещает одновременно ад и искупление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.